

«Принять детей не можем, детдома перегружены»х (Эвакуация детей из ТАССР в 1921 г.)

Голод 1921 г. стал бедствием, охватившим значительную территорию республики. Невольными его заложниками стали дети. В воззвании Центральной комиссии помощи голодающим ТАССР говорилось, что «голод достиг ужасных размеров: голодных насчитывается три миллиона, в том числе миллион триста тысяч детей»¹.

В борьбе с голодом применялись различные средства. Одним из них была организация питания детей на местах, в том числе при содействии иностранных организаций. Как свидетельствуют источники, «Американская администрация помощи голодающим кормит около 200 тысяч детей. Шведская делегация кормит 30 тысяч, Международный комитет рабочих кормит до 30 тысяч, предполагая это число довести до ста пятидесяти тысяч человек, таким образом, остается без помощи до семьсот девяносто тысяч одних детей»².

Пришлось прибегнуть и к «внутренней эвакуации», то есть переселению детей внутри России из голодающих губерний в хлебородные. Было разработано и утверждено Основное положение об эвакуации детей из голодающих местностей. В нем подчеркивалось, что «эвакуация детей производится лишь как подсобная и добавочная мера, поскольку выясняется невозможность быстрого устройства на месте всех беспризорных, брошенных детей»³.

О том, что это была крайняя, вынужденная мера, свидетельствует следующая информация. В августе 1921 г., когда масштабы голода приобрели большой размах, в докладе о положении Спасского кантона отмечалось: «Неофициальные сведения, полученные кантонным отделом народного образования о переселении детских организаций в хлеборобные места, признать паллиативной и нецелесообразной мерой... Кроме того, отдел сомневается в гостеприимности чужбины»⁴. Всего из Спасского кантона было эвакуировано около 900 детей. Предназначенных к эвакуации было в три раза больше⁵.

Особое внимание уделялось организации процесса переселения. В директивных документах требовалось, что «эвакуация должна быть обставлена максимальными гарантиями как в пути следования (перевозка, только в специальных санитарных поездах, горячая пища, снабжение одеждой и обувью в момент отправки, тщательный медицинский осмотр), так и на месте (предварительное приготовление и оборудование всем необходимым, постоянные детские дома и приемники)»⁶.

Власти стремились к тому, чтобы процесс эвакуации происходил максимально организованно и централизованно. Подкомиссия по улучшению жизни детей при ТатЦИКе рекомендовала всем кантонным уполномоченным «не производить ни в коем случае самочинных эвакуаций, предупредив о строгой ответственности их при неисполнении сего...»⁷

Эвакуация в республике производилась в следующем порядке: «Дети из кантонов вызываются в гор. Казань, где подвергаются санитарной обработке, выдается, по возможности считаясь с запасом НКП¹, белье одежда и обувь»⁸. В первую очередь вывозились дети из детдомов, беспризорники, брошенные дети беженцев, в последнюю очередь — дети из кантонов⁹. Эвакуация, прежде всего, коснулась жителей Спасского, Тетюшского и Лаишевского кантонов, как наиболее пострадавших от голода¹⁰.

Имеются сведения, что и в Казани положение эвакуированных детей было трудным. В письме заведующего Спасским кантонным отделом народного образования в Помгол Наркомпроса ТАССР от 12 ноября 1921 г. говорилось, что «эвакуированные нами дети обрекались на большие лишения в г. Казани, следствием чего многие заболели и умерли... Кроме того, много наших детей по каким-то причинам до сего времени никуда не отправлены из Казани и терпят голод, холод и прочие неудобства»¹¹. Подобные факты не

были единичными¹².

В соответствии с планом эвакуации из Татарии «предусматривалось направить в западные губернии 30 тысяч детей, а в Туркестан 50 тысяч детей-татар»¹³. Однако, ни западные губернии, ни Туркестан не могли принять такое количество детей, да и правительство РСФСР не располагало свободным транспортом, чтобы их перевезти. Было решено по мере возможности отправлять детей из республики в благополучные места. Всего из ТАССР с сентября 1921 по май 1922 г. было эвакуировано 13 838 детей¹⁴.

6–7 сентября 1921 г. первые два эшелона с детьми были направлены в Петроград (476 человек) и Тверь (475 человек). Всего за период с сентября по октябрь 1921 г. в разные города на территории Советской России (Петроград, Тверь, Омск, Витебск, Винницу, Семипалатинск) было вывезено 4 088 детей¹⁵. С учетом данных за август число эвакуированных составляло 12 796 человек¹⁶. В то же время ряд регионов (Владикавказ, Ташкент, Баку) отказал ТАССР в эвакуации голодающих детей с формулировкой «принять детей не можем, детдома перегружены»¹⁷.

В ходе самого переезда возникали многочисленные проблемы. На заседании чрезвычайной «тройки» по питанию детей при Наркомпросе ТАССР выяснилось, что в предназначенном для эвакуации поезде «нет освещения и мыла, часть руководителей не удовлетворена жалованием, а дети не имеют обуви и белья»¹⁸. О нехватке обуви как одного из главных обстоятельств, тормозящих процесс эвакуации, неоднократно говорилось на заседаниях по улучшению жизни детей.

Свои неприятные коррективы в ход эвакуации вносила погода, точнее, приближающиеся холода. В еженедельном информационном письме о деятельности президиума ТатЦИКа в декабре 1921 г. сообщалось: «Ввиду наличия сезонных затруднений — холода и отсутствия теплой одежды просить Центр не производить посылку эшелонов в декабре; в дальнейшем с 15 января отправлять ежемесячно по 2 эшелона; в связи с этим эвакуопункту Наркомздрава предложить производить эвакуацию детей пока из ближайших кантонов небольшими группами, а отделу снабжения предложить предоставить комиссии исчерпывающие материалы возможного оборудования всем необходимым детей»¹⁹.

Согласно «Положению об эвакуации», на местах должна была быть проведена предварительная подготовка к приему детей. Однако этот пункт соблюдался не всегда. В своем отчете уполномоченный Татнаркомпроса по эвакуации детей в г. Винницу М. Ф. Новиков отметил «полнейшую неорганизованность здравотдела и наробраза — учреждений, совместно работающих по приемке голодающих детей и хуже чем безразличное отношение властей на местах. Помещения, предназначенные для детей, оказались совершенно не оборудованы»²⁰. В отчете уполномоченного по эвакуации детей в Петроград указывалось, что в пункте назначения все помещения с предметами снабжения были заняты «неорганизованными детьми»²¹.

Имелись и положительные сообщения. Уполномоченный Татнаркомпроса Н. Коноплев писал в отчете следующее: «Общее впечатление как от всей поездки, так и от пребывания в эшелоне и приема в Твери — самое лучшее. Минусов почти нет никаких, за исключением самых мелких»²².

Трудности могли ожидать детей и в пункте назначения. О непростых условиях, с которыми пришлось столкнуться детям, неоднократно информировал уполномоченный по Башкирской республике по реэвакуации из Псковской губернии Курбангалиев. Он докладывал: «Ваши дети, совершенно не знающие русского языка, розданные на эксплуатацию крестьянам, и несут тяжкий гнет от последних и, попав в среду с совершенно другими обычаями и нравами, терпят большое неудовлетворение от своей жизни»²³. О том же свидетельствовал крестьянин В. Гайнуллин, вынужденный покинуть свой дом в Спасском кантоне. По его сообщению во Владимирской губернии «детей, находившихся в приюте, заставляли креститься и принимать христианскую религию»²⁴. Позднее, когда началась первая волна реэвакуации, именно детей-татар было

решено вывозить первыми эшелонами.

Относительно эвакуации детей за границу, в местных архивах мы не встретили прямых упоминаний. Однако довольно интересным фактом является предложение комиссии по улучшению жизни детей в ТАССР, направленное в Народный комиссариат просвещения 16 августа 1922 г., о передаче Международному рабочему комитету «на договорных началах 1 000 человек беспризорных детей»²⁵. Ни цели, ни условия договора нам неизвестны. Неизвестно также, было ли реализовано это предложение.

Достоверно известно лишь об одном факте заграничной эвакуации. В 1921 г. в Чехословакию был вывезен мальчик Егор Колосов¹. О нем известно то, что в с. Кузнечиха Спасского кантона ТАССР проживал его брат Павел Колосов²⁶.

В октябре 1922 г. началась стихийная реэвакуация детей. Дети возвращались на родину ввиду разных обстоятельств: кого-то искали родители или родственники, а кого-то губернии отправляли обратно, не имея возможности обеспечить всем необходимым. Заместитель председателя ТатЦИКа Мансуров настойчиво предлагал срочно остановить этот процесс: «Детучреждения переполнены, кормить нечем, в пайках госснабжения центр отказал»²⁷. Однако регионы, куда были эвакуированы голодающие дети, начали самовольно отправлять их на родину. В октябре 1923 г. 244 ребенка прибыли из Семипалатинска и Туркестанской республики. Как отмечается в акте комиссии по улучшению жизни детей, 22 ребенка, «грязные, не обмундированные», самостоятельно прибыли в Казань, поскольку сопровождающий бросил их в Саратове.

Всего к концу ноября 1923 г. в ТАССР из разных областей страны (Винница, Ново-Николаевск, Москва, Пенза, Ташкент, Сибирь и т. д.) реэвакуировалось 302 ребенка. Их было решено разместить в гостинице «Волга», номерах «Щетинкина» и других местах²⁸.

Что касается Егора Колосова, то его возвращение состоялось в 1929 г. Во всяком случае, нам доподлинно известно, что поезд с 30 эвакуированными детьми пересек советско-польскую границу, а «детский эшелон» был передан представителям СССР. Дальнейшая его судьба неизвестна.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. НА РТ, ф. Р-4470, оп. 1, д. 39, л. 42.
2. Там же.
3. Там же, ф. Р-3682, оп. 1, д. 132, л. 110.
4. Там же, ф. Р-4470, оп. 1, д. 18, л. 56.
5. Там же, ф. Р-3682, оп. 1, д. 131, л. 145.
6. Там же, д. 132, л. 110.
7. Там же, л. 91.
8. Там же, д. 131, л. 145.
9. Там же, ф. Р-260, оп. 1, д. 78, л. 65-65 об.
10. Там же, ф. Р-3682, оп. 1, д. 131, л. 219.
11. Там же, д. 132, л. 19.
12. Там же, л. 2-3.
13. Белокопытов В. И. Лихолетье: (Из истории борьбы с голодом в Поволжье 1921-1923 гг.). – Казань, 1976. – С. 144-145.
14. Там же.
15. НА РТ, ф. Р-260, оп. 1, д. 78, л. 65-65 об.

16. ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 202, л. 42.
17. НА РТ, ф. Р-260, оп. 1, д. 99, л. 13, 14, 20.
18. Там же, д. 86, л. 5.
19. ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 202, л. 4 об.
20. НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 131, л. 131 об.
21. Там же, л. 134 об.
22. Там же, л. 143.
23. Там же, ф. Р-260, оп. 1, д. 86, л. 20.
24. Там же, л. 18.
25. Там же, д. 78, л. 16.
26. Národní Archiv (NA, Praha). Fond Ministerstvo zahraničních věcí — Ruska pomocna akce. Peče o mládež. Ruski deti — repatriace. 1926-1932. Seznam ruských dětí, doporučených pro návrat do vlasti v roce 1929.
27. НА РТ, ф. Р-260, оп. 1, д. 99, л. 16.
28. Там же, д. 78, л. 155.

Алия Хайруллина,
кандидат исторических наук,
Альберт Валиахметов,
кандидат исторических наук

I. Народный комиссариат просвещения.

II. О русских детях в Чехословакии и о Егоре Колосове см.: Валиахметов А. Н. Газета «Pravo Lidu» о русских детях в Чехословакии. 1922 год // Детство в научных, образовательных и художественных текстах: Опыт прочтения и интерпретации. – Казань, 2010. – С. 80-84.